

либо света, либо тени, например, leofht и thýstru («свет, светлый» и «тьма, темный») — четко противопоставленная, часто даже прямо в контексте, пара антонимов. Далее, к словам чисто «белым, светлым, блестящим» нужно отнести beorht, blac, habog, hwit, scir, forht; к словам чисто «черным, темным» — deog, dim, muge, sweagend, sweag. Характерной чертой всех этих «чистых» слов является то, что они выражали и цвет, и свет, иногда даже только свет (или тень).

Однако слово brun (современное brown «коричневый, бурый, темный») встречается в том и другом значении: brun wapp (Andreas, 1307) «черный мрак, темная ночь», brune helmas (Jelmas, 318) «блестящие шлемы». В том, что brun во втором примере значит именно «блестящий, светлый», не приходится сомневаться; в древнеанглийской поэзии с ее постоянством эпитета «блестящий» — обычный эпитет брони и оружия, ср. se hwita helm (Beowulf, 198) «светлый шлем».

Эта двойственность значений сохраняется и в среднеанглийском. В поэмах одного и того же автора «Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь» и «Жемчужина» (XIV-век) находим: glemande glas burnist broun (Pearl, 990) «блестящее ярко полированное стекло», diamantes... brugt and broun (Gawain, 618) «бриллианты яркие и блестящие» и sone the worlde bysom wel broun, the sunne was doum... (Pearl, 537—538) «вскоре мир стал совсем темным, солнце зашло».

В отношении brun существует предположение, что здесь двойное независимое образование от одного корня — того, что в древнеанглийском brutan, совр. burn «гореть» — в значениях «горящий, блестящий» и «сгоревший, черный». Пусть это так; но длительное — от древнейших времен до XIV века — соединение под одним звуковым комплексом двух столь противоположных значений возможно, по нашему мнению, лишь при поддержке каких-то сходных явлений лексической системы.

Действительно, ряд слов, означающих чаще цвет, чем свет, или даже только цвет, показывают соединение значений «черный, темный» и «бледный». Наличие таких слов, входящих, как мы видели, в одну систему с «светотеневыми» словами, повлиало, очевидно, и на сохранение двухзначности brun.

Так, слово blaes (совр. black «черный») было эпитетом ночи и ворона. Однако то же слово служит в «Лечебниках» («Leechdoms») обозначением цвета лица больных, т. е. скорее «бледный».

Слово salu, salowig значило «черный, темный»; это — эпитет — ворона (salurad «темноодетый»), синоним blaes и чисто — «черного» sweat: blace swithe, swearte, salurade (Riddles) «черные, очень черные, темноодетые». В современном же языке это слово — salow имеет значение «желтовато-бледный».

Подобным же образом wap было эпитетом ночи и ворона, существительное wap — «мрак, ночь»; в современном языке wap значит «бледный».

Как могли произойти такие изменения значений? Приходится предположить, что в древнеанглийском языке (хотя это и не отразилось в текстах) слова salu и wap, подобно blaes, могли значить как «черный, темный», так и «серый, бледный». Скорее всего эти явления объединялись по признаку бескрасочности, возможно, связывались с цветами холодных углей и пепла или ночи и сумерек.

Впервые в гос. университет.
Книжки снесены за 1959 год. —
— Чернов, 1960 — Огнемочь вояж —
— Филологический факультет. — с. 317-319.

Таким образом, древнеанглийские слова со значениями «белый, светлый» и «черный, темный» позволяют восстановить своеобразную систему, где наряду с противопоставлением темного и светлого можно предположить противопоставление окрашенного и неокрашенного, где «темный» и «бледный» уже не разграничиваются, а соединяются вместе.

Е. С. БЕЛАШОВА

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ С. МАРШАКА ИЗ Р. БЕРНСА («Святая ярмарка»)

Продолжая работать над Бернсом, С. Маршак все больше и больше раскрывает перед читателем сатирический дар шотландского поэта. В ранних русских переводах сатиры Бернса почти не затронута. Читателю были известны кантата «Веселые нищие», песни которой насыщены бунтарским духом¹, поэма «Две собаки», обличающая знатных вельмож², и поэма пародийного характера «Тэм О'Шентер»³. Позже, уже в советское время, вышла сатирическая поэма «Молитва святого Вилли» в переводе Шепкиной-Куперник.

Сатирическая линия шотландского поэта получила наиболее сильное звучание в переводах С. Я. Маршака. Он представил русскому читателю самые разнообразные сатирические приемы, которыми пользовался Бернс. Здесь и пародия («Тэм О'Шентер»), и аллегорическая сказка («Две собаки»), и острые эпиграммы. Но наиболее метко Бернс поражает врага своей иронией, вскрывая за лицемерной поверхностью грязную действительность («Элегия на смерть Пэг Никольсона», «Молитва святого Вилли», «Надпись на официальной бумаге», «Сон» и др.).

В своих новых переводах, опубликованных в юбилейные дни января 1959 г., когда все прогрессивное человечество отмечало двухсотлетие со дня рождения народного певца Шотландии, Маршак знакомит нас с одним из самых замечательных сатирических произведений Бернса — антиклерикальной поэмой «Святая ярмарка» («The Holy Fair») — 1786 г.). Произведение является наиболее ярким образцом использования народной сатиры и представляет собой едкую насмешку над характером кальвинистской проповеди, над религиозными обрядами, во время которых один пьян от водки, а другой — от благочестия, один думает о грехах, а другой — о тряпках.

Перевод Маршака является первым переводом поэмы Бернса на русский язык. Правда, в 1876 г. в журнале «Дело», № 5 был опубликован прозаический перевод «Благочестивой ярмарки» в качестве приложения к статье Н. Алеевой «Роберт Бернс», но он, конечно, не мог дать русскому читателю полного представления об индивидуальных особенностях бернсовского произведения. Новый перевод С. Маршака пред-

¹ См. «Веселые нищие» (кантата), перевод П. Вейсберга, в ж. «Отечественные записки», 1868, т. 6, отд. I.

² См. «Две собаки», перевод Д. Минина, в ж. «Дело», 1870, № 1, стр. 134.

³ См. «Тэм О'Шентер», перевод В. Костомарова, в сб. Герцеля Н. К. «Английские поэты в биографиях и образцах», СПб., 1875; «Том О'Шентер», перевод О. Чукиной, Ежемесячные приложения к «Ниве», 1896, № 7, стр. 499.

ставляет собой фрагмент поэмы: 14 строф из 27. Как обычно, переводчик обращается с текстом довольно свободно. Однако внешние текстуральные отклонения от подлинника не нарушают поэтической целостности произведения, они вызваны необходимостью и всегда имеют логическое обоснование.

Приведем к примеру I строфу поэмы:

Upon a simmer Sunday morn,
When Nature's face is fair,
I walked forth to view the corn,
And snuff the caller air:
The rising sun owre Galston muirs,
Wi' glorious light was glintin';
The hares were hirplin' down the furs,
The laverocks they were chantin'
Fu' sweet that day.

Был день воскресный так хорош,
Все было лету радо.
Я шел в поля взглянуть на рожи
И подышать прохладой.
Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели, —
Резвились зайцы — прыг да прыг —
И жаворонки пели.

В тот ясный день.

Абсолютно точно, во всех отношениях, передан смысл. Отклонения от подлинника сводятся в основном к синонимическим заменам: morn (утро) — день; caller air (свежий воздух) — прохладой; wi' glorious light (с ярким светом) — большое; chantin' (шебетали) — пели.

Переводчику пришлось сжать контекст, чтобы сохранить английскую строфу, стихи Бернса. Так, в переводе потерян эпитет «simmer» (летний); вся вторая строка «When Nature's face fair» (когда лицо природы так прекрасно) влилась в русское — «так хорош»; в 5 строке опущено «owre galston muirs» (над просторами Гальстона), в 7 строке — «down the furs» (по бороздам).

Эти потери отдельных частей не наносят ущерба общему ритму. В целом поэтическая строфа Бернса в переводе не нарушена.

Таких примеров можно привести много. В одних случаях мы встречаем у Маршака почти буквальную точность, в других — сталкиваемся с довольно большими отступлениями, но почти всегда перевод Маршака отличается безошибочной поэтической верностью оригиналу. На протяжении всего перевода используются синонимические замены. Они равноценны и служат средством яркой передачи содержания подлинника (lightsomely — радостно дыша, cam' skelpin' — перебежали; in the fashion shining — по моде, по погоде; silent — ни суеты, ни шума; real judges — земные судьи; thrang — люд и т. д.).

Нередко переводчику приходится сжимать контекст Бернса, жертовать отдельными деталями, а то и строками. Это неизбежно, ведь переводчик — поэт ограничен рамками стиха, особенностями ритма, необходимостью рифмы. К тому же английские слова в большинстве случаев короче русских. Маршак умело справляется с этой трудностью.

Он всегда выбирает слова, передающие необходимую мысль автора, причем он находит такие русские слова, которые объединяют в себе смысл нескольких слов оригинала.

Сравните IV строфу в переводе:

Wi' bonnet off, quoth I, «Sweet lass,
I think ye seem to ken me;
I'm sure I've seen that bonnie face,
But yet I canna name ye.
Quo'she, an' laughin' as the spak',
An' tak's me by the hands,
Ye, for my sake, ha'e gien the feck —
Of a' the Ten Commands
A screed some day.

Я шляпу снял и произнес:
— Я вас припоминаю,
Но вы простите за вопрос,
Как звать вас, я не знаю.
С кивком задорным головы,
Смеясь, она сказала:
— Со мною заповедей вы
Нарушили немало.

В досужий день!

В переводе удачно передан интонационный рисунок подлинника, простота народной речи, ее краски. Как и Бернс, Маршак использует живые обороты разговорного языка, создающие необходимую непосредственность тона (мне поклон отвесила; как звать вас; пойду сперва домой; а кто и ласы точит и др.). Маршак верно воссоздает форму подлинника. В «Святой ярмарке» Бернс пользуется восьмистроичной строфой с оригинальной повторяющейся конповкой. Переводчик разбивает бернсовскую строфу на четверостишия, выделяя паузу, характерную для подлинника. Концовка, повторяющаяся с вариациями, сохранилась в переводе. Ритмический рисунок, метрика стихов, рифмы Бернса переданы Маршаком совершенно точно.

В общем перевод Маршака можно считать несомненной удачей. Отдельные шероховатости (потеря красочных эпитетов в III, XIII строфах) не снижают достоинств всего произведения в целом.

Русский читатель будет с нетерпением ожидать завершения работы переводчика над этой замечательной поэмой Роберта Бернса.